

DOI: 10.17976/jpps/2018.05.07

НАЦИОНАЛИЗМ, СЕПАРАТИЗМ, ДЕМОКРАТИЯ... МЕТАМОРФОЗЫ НАЦИОНАЛЬНОЙ ИДЕНТИЧНОСТИ В “СТАРОЙ” ЕВРОПЕ

И.С. Семененко

СЕМЕНЕНКО Ирина Станиславовна, доктор политических наук, член-корр. РАН, зам. директора по научной работе, Национальный исследовательский институт мировой экономики и международных отношений им. Е.М. Примакова Российской академии наук, Москва. Для связи с автором: semenenko@imemo.ru

Семененко И.С. Национализм, сепаратизм, демократия... Метаморфозы национальной идентичности в “старой” Европе. – Polis. Политические исследования. 2018. № 5. С. 70-87. <https://doi.org/10.17976/jpps/2018.05.07>

Статья поступила в редакцию: 20.05.2018. Принята к печати: 18.06.2018

Аннотация. В статье предлагается новая интерпретация феноменов современной политики, которые в политическом дискурсе традиционно именуется национализмом и сепаратизмом. Оценивается когнитивный потенциал концепта “национализм” для понимания механизмов появления очагов этнополитической напряженности в развитых демократиях и их перерастания в открытые противостояния регионов, обладающих той или иной степенью автономии, и центральной власти. Анализируемый автором феномен “нового национализма” проявляется в странах “старой” Европы в условиях высокой активности различных форм гражданской самоорганизации и более высокого относительно других территорий страны уровня экономического развития и социального благополучия; это определяет сочетание и ситуативное переплетение культурных и социально-экономических факторов в повестке дня политического протеста. “Борьба за идентичность” территориального сообщества используется политическими элитами в качестве средства продвижения преференциальных режимов перераспределения налоговых поступлений, большей бюджетной автономии, независимой социальной и культурной политики. Проводниками общественного запроса на *право решать*, выбирать приоритеты развития “своего” сообщества выступают имеющие сильные позиции в регионе представители демократических политических сил, вступающие в коалиции с бывшими радикальными националистами. На основе анализа факторов и механизмов проявлений этнорегиональной конфликтности в Европе разработан прогноз появления в странах демократической традиции новых форм организации политического пространства, в которых национальная идентичность и ориентация на развитие будут ключевыми консолидирующими началами.

Ключевые слова: национализм; национальная идентичность; политическая идентичность; политика идентичности; гражданская самоорганизация; демократия; сепаратизм; регионализм; автономия; европейский интеграционный проект; Европейский союз; политическое пространство; новый национализм.

Сегодня развитый мир стал зеркалом, в котором отражаются противоречивые процессы стирания привычных и возведения новых границ, умножения и углубления социокультурных размежеваний в многосоставных разделенных обществах. Социальные последствия миграции, перспективы интеграционных процессов и пути обеспечения общественной безопасности в разных ее проекциях – от социальной, информационной, культурной, экологической

до военно-политической – прочно заняли первые строки политической повестки дня. На авансцене общественной жизни обосновались политики, эксплуатирующие популистские лозунги как простой ответ на вызовы истончения и дезинтеграции социальной ткани современных обществ. *Brexit*, события в Каталонии, результаты голосования на недавно прошедших выборах в Австрии, Италии, Германии, Франции, Нидерландах, в постсоциалистической Европе – в Польше, Венгрии, привели к укреплению позиций партий и движений, выступающих под знаменами защиты национальной идентичности и национального суверенитета.

Эти события привычно осмысливаются в научном дискурсе в контексте подъема популизма и роста сепаратизма, направленных на дестабилизацию сложившегося политического порядка. За происходящей в современных западных демократиях радикализацией партийного ландшафта маячит призрак национализма. В повестке дня противостояний любого типа, идет ли речь о политико-управленческих, политико-институциональных или политико-территориальных конфликтах, выделяемых в зависимости от целеполагания сторон и разных сочетаний факторов конфликтности [см. Семененко, Лапкин, Пантин 2016], важное место отводится “борьбе за идентичность”. Апелляция к этнической идентичности как ориентиру политической мобилизации привносит в эту мозаику социокультурную составляющую. Этничность имплицитно присутствует как маркер личностного самоопределения в контексте признания (или отрицания) значимости традиционализма и готовности поддерживать традиции в повседневных жизненных практиках. Зачастую она скрывается под оболочкой освоения традиции, культурного и исторического наследия как основы формирования национальной идентичности. Потому что этничность подразумевает выстраивание границ и зачастую вызывает неудобные и неполиткорректные ассоциации, а освоение наследия – это открытый, инклюзивный (и политкорректный) процесс. Преодоление возникающих напряжений между носителями разных культурных практик путем не столько “управления разнообразием”, сколько “управления через разнообразие” рассматривается как важнейший атрибут демократического политического порядка, как ключевое направление социальной политики и как “нормативный метанарратив” для академического сообщества [Governing through Diversity... 2015: 1-2].

Однако “механизмы появления таких напряжений и их перерастания в конфликт редко попадают в поле зрения политической теории, оставаясь уделом ситуативного анализа” [Семененко, Лапкин, Пантин 2016: 71]. Задача данной статьи – *оценить когнитивный потенциал концепта национализма для понимания этих механизмов на основе анализа причин и характера изменений в повестке дня политики идентичности, в политической культуре и общественном сознании граждан стран “старой” Европы. В этом контексте исключительным приоритетом становится переосмысление национализма и этничности как категорий современного политического и научного дискурсов.*

Интеграционные процессы в Европе развиваются в условиях конфликтного сосуществования национализма как ориентира политики идентичности и демократии как принципа организации политического общежития на разных его “этажах”. В политическом пространстве объединенной Европы нарастают процессы дифференциации форм и уровней организации управления [Холодковский 2018: 35]. Перспективы продвижения европейского

проекта зависят от успешности формирования механизмов, способных поддерживать баланс между этими уровнями. В противном случае есть риск превращения “борьбы за идентичность”, которую ведут сообщества регионов и территорий, в противостояния идентичностей, чреватые ростом политической конфликтности.

ДИСКУРС НАЦИОНАЛИЗМА: РАЗНОЧТЕНИЯ В ТРАКТОВКАХ И СМЫСЛАХ

Вектор национализма оказался прочно вписанным в картину социально-политических трансформаций современного миропорядка, и вопрос об оценке его потенциала вышел за рамки сугубо академической дискуссии. Действительно, трудно не согласиться с логикой авторитетного теоретика проблем наций и национализма Энтони Смита: “...поскольку былые разделительные линии национализма вновь пересекают мир во всех направлениях и поскольку область этнических и национальных явлений становится все более притягательной для исследований, потребность в объяснении и понимании множества проблем, которые они ставят, становится все более настоятельной. Это значит, что мы не можем уклониться от задачи построения теории. Если прежние великие нарративы наций и национализма больше не внушают почтения, веления времени, в которое мы живем, заставляют нас давать новые объяснения, более созвучные нашему восприятию и проблемам, с которыми мы сталкиваемся” [Смит 2004: 412-413]. Для российской политической науки актуальной остается задача способствовать преодолению разрывов между современным уровнем научного знания в сфере, которая традиционно (и неточно) именуется сферой межнациональных отношений и национальной политики, и публичным политическим дискурсом.

Точкой отсчета в формировании современного дискурса о национализме остается трактовка Эрнеста Геллнера. Он определил национализм как политический принцип, постулирующий конгруэнтность политической и национальной (а в более поздней трактовке – культурной) единиц социума. У национализма есть и иные, идейно-политические и политико-психологические измерения: проводя различия между “национализмом как чувством” и “националистическим движением”, Геллнер пишет о чувстве как “негодования” или “удовлетворении” в связи с осуществлением этого принципа и о “движениях, вдохновленных подобными чувствами” [Геллнер 1991: 23]. Организуясь под политическими лозунгами, такие движения, как правило, принимают формы агрессивного продвижения интересов, артикулируемых от имени “своего” сообщества; эти притязания могут постепенно компенсироваться ростом экономической взаимозависимости и становлением глобального и региональных рынков товаров, услуг, технологий. Однако предвидение отступления национализма при переходе к новому, постиндустриальному этапу развития, которое было сформулировано британским ученым на рубеже 1980-х годов в получившей широкую известность книге “Нации и национализм”, перекрыла волна ожесточенной борьбы за национальные интересы и государственные суверенитеты, поднявшаяся после распада биполярного мироустройства.

Энтони Смит был учеником Геллнера; это не помешало ему вступить с мэтром в спор о природе наций и существенных характеристиках национализма. Смит определил национализм как “идеологическое движение за обретение и поддержание автономии, единства и идентичности сообщества, некоторые

из членов которого считают его реальной или потенциальной нацией”, объединенной общей территорией, мифами и памятью, культурой, экономикой, общими правами и обязанностями [The Nation... 1996: 360]. Отголоски этого спора о *конструируемой* или *реальной* сущности нации и о родовых чертах национализма формируют повестку дня релевантной научной дискуссии и в мире, и в России (см., например [Тишков 1998; McCrone 1998; Малахов 2005]).

Сегодня понятие национализма глубоко укоренено в научном и политическом лексиконе. Но если в политическом поле современных демократий доминируют, как уже было отмечено, сугубо негативные содержательные оценки национализма как идейного ориентира, дестабилизирующего социальный порядок и нарушающего нормы демократического политического общежития, то в академической дискуссии это понятие наделяется разными значениями и, соответственно, по-разному оценивается влияние феномена национализма на политическую динамику. Различия определяет не только контекст анализа, но и неодинаковые смыслы, которые вкладываются самими исследователями в это понятие. Национализм может рассматриваться как идейный ориентир политики идентичности на разных этапах формирования государственности и нациестроительства, как инструмент утверждения национальной идентичности на гражданских основаниях или, напротив, политической мобилизации “своих” под сепаратистскими лозунгами (в рамках осуществления соответствующего политического принципа в трактовке Э. Геллнера). Он чаще (и привычнее для тех, кто изучает политические процессы) трактуется как идеологическая платформа партий и движений, ратующих за консолидацию национального сообщества на основе противостояния “чужим”, сегодня — преимущественно в русле мигрантофобии. Противопоставление в научном дискурсе направленного на укрепление политической нации *гражданского* (со знаком плюс) и агрессивного *этнического* (со знаком минус) национализма давно стало общим местом. В англоязычной литературе понятие национализма может применяться для характеристики состояния национального самосознания и приоритетов национальной самоидентификации¹. Сам дискурс, формирующий современную политическую нацию, в русле конструктивистского подхода тоже может описываться с помощью этого концепта (см., например [De Cleen 2015: 40]).

В моделях объяснения происходящих социальных и политических трансформаций по-прежнему господствует принцип “методологического национализма”. У. Бек, обосновавший концепцию современного “общества риска”, усматривал в этом принципе, ставящем национальное государство “в основу наших политических и социальных научных референций”, непреодолимое препятствие для осмысления сложных трансформаций современного миропорядка [Бек 2012: 45]. Он отстаивал широкое понимание космополитизма, в котором усматривал выход из методологического тупика, видел в нем своего рода единство “идеала и реальности универсализма, составляющих особое измерение, измерение глобальности, включающей в себя и национализм, и транс-национализм, и не исключающей множественности идентичностей и культур”.

¹ Неслучайно основанный Э. Смитом в 1995 г. на волне упоминавшихся острых дискуссий авторитетный научный журнал выходит под названием “Нации и национализм” (“*Nations and Nationalism*”), прямо соотносясь со знаменитой книгой Геллнера. Смит отстаивал значение традиционной культуры и этничности в общественной жизни, не только изучал национализм, но, по выражению российского исследователя В. Малахова, “реабилитировал” его, поскольку “национализм оклеветали, сведя к шовинизму” [Малахов 2004].

В национализме в его обыденном понимании (как “правой патриархальной идеологии”) он видел “врага нации” [там же: 55-57; см. также Векс 2006].

В научном дискурсе налицо попытки соединить ставшее расхожим понимание нации как “ежедневного плебисцита” [Renan 1991] и ее не менее широко известную трактовку как “воображаемого сообщества” [Anderson 1983]. Магистральным направлением исследований стало выявление общих политических и культурных практик как реальных опор социального воображения, формирующего представления о национальном “мы” [Смит 2004; Edensor 2002; Skey 2011]. Не вдаваясь в перипетии становления и развития научного дискурса о нации, национализме и национальной идентичности в условиях стремительно меняющегося современного миропорядка, рассмотрению которых была посвящена одна из недавних публикаций автора [Семененко 2015], можно выделить расходящиеся направления в трактовке национализма как политического феномена. Первое маркирует практики агрессивного противодействия тем, кто не принадлежит “нашему” политическому сообществу; их обыденное понимание – как негативной мобилизации “своих” против “чужих” – проецируется в политический дискурс. В своем политическом воплощении такая мобилизация проявляется в феноменах сепаратизма и сецессионизма. А национализм в этом контексте можно рассматривать как “инструмент моральной легитимации сецессионизма” [Попов 2012: 65]². Второе направление отождествляет национализм и национальное чувство, апеллируя к естественному стремлению индивида быть частью того сообщества, в рамках которого в публичном дискурсе организовано его социальное бытие и представлены идейно-политические предпочтения. Эта смысловая многозначность трактовок национализма переносится в поле дискуссии вокруг ориентиров и самого понимания национальной идентичности [Идентичность... 2017: 405-413].

74

С утверждением в социальных науках парадигмы глобализации актуализировался дискурс национализма, а массив соответствующей литературы стал поистине необъятным (системные перемены, характеризующиеся понятием *глобализация*, при всей их грандиозности, оказались недостаточными для того, чтобы с национализмом “покончить”). Принимая во внимание возросший интерес к этой проблеме, в начале XXI в. справедливо было подмечено, что “исследовательские стратегии, получившие распространение в социальных науках в последние десятилетия, не позволяют отдать национализму должное. С ним обращаются недостаточно деликатно, слишком много внимания уделяя политической стороне и слишком мало – эмоциональной” [Малахов 2004]. За прошедшее с тех пор время ситуация изменилась: сегодня аффективная составляющая национального самосознания вписана в стратегию изучения обыденного, повседневного национализма [Everyday Nationhood... 2017] (“ба-

² Между этими понятиями есть различия, хотя они редко проводятся даже в научном дискурсе. Сецессионизм предполагает борьбу за отделение территории, находящейся в составе государства, с целью формирования самостоятельной государственности, или присоединение к “материнской” территории (в таком случае речь идет о его разновидности – ирредентизме). Сепаратизм – более широкое понятие, которое описывает любые формы обособления территорий [Попов 2012]. Активно используемые понятия регионализма (этнорегионализма) и автономизма преимущественно описывают практики борьбы за большую самостоятельность от Центра конкретных территорий. Российский исследователь И.Л. Прохоренко, рассматривая разные интерпретации сепаратизма и сопряженных понятий, обосновывает плодотворность использования пространственного подхода для понимания природы этнополитической конфликтности в современном мире [Прохоренко 2018].

нального” — в терминологии пионера этого направления исследований британского ученого М. Биллига [Billig 1995]). Такие исследования сосредоточены на конкретных проявлениях национального чувства там, где они наиболее заметны — в организации празднеств, культурных и спортивных мероприятий, освящаемых национальным флагом, в обустройстве публичных пространств, в современной художественной и бытовой культуре. Изучение форм переживания и представления национальной идентичности в публичном пространстве дополняется анализом ее воплощения в культурных артефактах. Российские исследователи особое место в этом контексте отводят изучению политики идентичности, ее субъектов, повестки дня и основных направлений [Символическая политика... 2017; Идентичность... 2017: 647–655]. Важной перспективной задачей является, на наш взгляд, постижение процессов формирования значимых для личности мотиваций и механизмов их соотнесения с общественно значимыми приоритетами развития.

НАЦИОНАЛИЗМ И РЕГИОНАЛИЗМ КАК ОРИЕНТИРЫ ПОЛИТИКИ ИДЕНТИЧНОСТИ

Действительно, “национальная идентичность опирается как на переживания и чувства, так и на когнитивные процессы создания и передачи смыслов” [Edensor 2002: 140], призванных поддерживать консолидацию нации как государственно-политической общности. Призывы к национальной солидарности жизненно важны для легитимации авторитарных режимов, но сегодня национализм “вплетен” в политическую культуру и публичное пространство демократического государства [The SAGE Handbook... 2006: 3]. Для европейских стран с молодой государственностью, которые строят свою национальную идентичность на комплексе жертвы имперской политики, национализм становится скрепой новых исторических нарративов и активно продвигается в качестве ориентира политики идентичности. Однако если в странах “новой” Европы такая политика проводится от имени большинства и призвана консолидировать политическую нацию как опору государственности, то в государствах “старой” Европы ее активными проводниками становятся политические элиты, выступающие от имени автохтонных меньшинств в составе больших политических сообществ. Язык, принадлежность к иной конфессии, культурные традиции, исторический опыт государственности используются как ориентиры политики идентичности, призванной выстраивать новые размежевания внутри национального государства и добиваться их институционального закрепления путем расширения автономного статуса территории. “Борьба за идентичность” подкрепляется аргументами получения от большей самостоятельности экономических дивидендов. Эти требования нашли отражение в программных документах и в деятельности политических сил, которые можно рассматривать как отдельный сегмент западноевропейского политического ландшафта — семью (этно)регионалистских партий [Fagerholm 2016]. Такие партии имеют относительно недавнюю историю. Наиболее влиятельные из них претерпели заметную эволюцию в последние два десятилетия: пересмотрев свои радикальные установки, предполагавшие использование неконституционных практик вплоть до террористических методов, они вышли из политического гетто и вступили в диалог с системными политическими силами; некоторые (как баскская ЭТА) объявили о самороспуске.

Политико-институциональные конфликты между Центром и имеющими ту или иную степень автономии территориями свидетельствуют о регионали-

зации политического ландшафта современной Европы. Регионализм превращается в идейный ориентир борьбы за перераспределение бюджетных и других ресурсов в пользу территорий. Об этом свидетельствуют, в частности, метаморфозы нынешней итальянской “Лиги” (более известной под названием “Лиги Севера”) – партии, претендующей сегодня на представительство интересов регионов Италии за пределами традиционного ареала своего влияния в северной части страны, где доминируют консервативные настроения.

Но если в конце прошлого века популярной была идея “Европы регионов” – модели, предполагавшей расширение полномочий регионов в интеграционных процессах при сохранении ведущей роли национальных государств, то сегодня в конкурентных притязаниях элит ряда территорий, выступающих под флагом регионализма, государства усматривают реальную угрозу сложившемуся политико-институциональному устройству. Такая охранительная позиция вытекает из логики реализации проекта европейского строительства и формирования европейского политического пространства как проекта политических элит бывших военных противников, представлявших ведущие страны Европы, и под их непосредственным контролем. Политическая идентичность – одна из системообразующих опор такого пространства, но попытки ее целенаправленного конструирования по меньшей мере малопродуктивны. Перипетии становления общих ориентиров европейской идентичности – яркое тому свидетельство. Национальная идентичность, напротив, осмысливается в доступных и понятных материальных и символических формах и не связывается напрямую с политическими предпочтениями. При этом, как показывают, например, эмпирические исследования нарративов об идентичности итальянских граждан иностранного происхождения, чувство принадлежности и сопричастности национальному сообществу формируется на основе соотнесения и с общенациональными, и с локальными маркерами идентичности, например, с владением местным диалектом [Antonsich 2018: 1].

76

В академической дискуссии национализм стал рассматриваться как часть повседневного опыта формирования и репрезентации политической идентичности. Этому во многом способствовала постановка вопроса о проявлениях национального чувства в повседневных социальных взаимодействиях, важных для понимания его политической проекции [см. Billig 1995]. За сменой ракурса исследований просматриваются попытки, может быть и не всегда осознанные, отразить изменения и в природе самого феномена, и в его трактовке. О безусловной определенности в понимании национализма говорить не приходится, но очевидно, что нынешняя волна подъема националистических настроений в Европе и США имеет откровенно антиэлитарную природу, являясь выражением протеста против результатов деятельности двух поколений правящего класса Европы, целенаправленно борющихся с проявлениями национализма в ходе реализации наднационального интеграционного проекта [Lieven 2017]. Но вопреки политике стирания культурных различий посредством глобальных информационных потоков и массовой культуры национализм прорастает сегодня не только в программных установках популистских политических сил, но и в культурных практиках, в “борьбе за идентичность”. Националистический дискурс формируется как ответ на дискурс глобализации и эксплуатирует недовольство размыванием политической субъектности Евросоюза и монополизацией повестки дня европейского интеграционного проекта элитными группами интересов ведущих стран ЕС.

“НОВЫЙ НАЦИОНАЛИЗМ”: ВИДИМОСТИ И СУЩНОСТИ

Неслучайно, согласно разработанной ранее классификации, этнополитические противостояния регионов и Центра в странах “старой” Европы – это в большинстве своем политико-институциональные конфликты или, в ряде случаев – противостояния переходного типа, в которых ситуативно проявляются как управленческие, так и институциональные противоречия [см. Семененко, Лапкин, Пантин 2016; Монитор... б.г.]. Яркий пример – борьба вокруг референдума в Каталонии. И очаги таких противостояний – это территории с высоким уровнем гражданской самоорганизации и развитыми институтами социального государства. Если говорить о депривации (в логике Т. Найрна, описавшего борьбу за отделение Шотландии от Великобритании в терминах “неонационализма”³ еще в конце 1970-х годов), то в настоящее время это в первую очередь субъективное ощущение культурной депривации и запрос на утверждение собственной национальной идентичности, отличной от идентичности большинства. Что касается социально-экономического развития, то здесь, напротив, можно говорить об *относительном благополучии* и управленческой стратегии удовлетворения запросов со стороны Центра (*relative gratification*), а отнюдь не об *относительной депривации* [McCrone 1998: 129].

Характеристика “новый” или приставка *neo-* применительно к национализму отражает назревшую потребность в переосмыслении феномена, который по-прежнему “формирует основы нашего социального сознания, когнитивную рамку наших представлений о реальности” [Greenfeld 2000]. В исследованиях, посвященных подъему волны национализма в Европе в последнее десятилетие, новизну феномена связывают с глобализацией, давлением миграционных потоков из третьих стран, экономическим кризисом конца 2000-х годов, массовым недовольством ходом реализации интеграционного проекта и характером принятия решений на наднациональном уровне. Эти факторы действительно объясняют причины роста электоральной поддержки политических сил, активно критикующих модель и практики европейской интеграции (так называемых евроскептиков), в том числе мотивы массовой поддержки сепаратистских движений в ряде регионов. Но за ними стоят политические причины системного характера: отчуждение от политики и институтов представительной демократии и поиски жизнеспособных институциональных альтернатив. Сущностные характеристики “нового национализма” *определяет стремление членов пространственно локализованного сообщества утвердить свою национальную идентичность, отличную от идентичности, которая рассматривается как нормативная, будь то национально-государственная или общеевропейская (опирающаяся на общие институты и общие приоритеты развития, которые диктуют элиты ведущих стран-членов). Апеллируя на уровне территориальных сообществ к праву граждан “самим решать” и “самим делать выбор”, политические элиты региона выстраивают стратегии борьбы за экономическую и культурную автономию вплоть до требований создания независимой государственности.*

³ Термин *неонационализм* был введен в научный оборот Томом Найрном, авторитетным представителем интеллектуальной мысли Шотландии, автором получивших широкое признание работ о шотландском национализме и перспективах политического развития Шотландии, одним из идеологов британских новых левых. Т. Найрн рассматривал подъем неонационализма с неомарксистских позиций как следствие неравномерности развития благополучных обществ и относительной депривации неблагополучных социальных групп и сообществ [Nairn 1977]. Сам термин широкого признания не получил, но аргументация автора была воспринята исследователями национализма и получила развитие в контексте осмысления причин роста сепаратистских настроений в странах Запада на рубежах XXI в.

Политическая идентичность сторонников такого курса может интегрировать разные национальные идентификации – каталонскую и испанскую, фламандскую и бельгийскую, шотландскую или валлийскую и британскую, тирольскую и итальянскую (или квебекскую и канадскую, если раздвинуть границы “старой” Европы) одновременно. Или же – может оказаться значимой только одна идентификация⁴. При этом стоит с осторожностью подходить к интерпретации результатов переписей или опросов с вопросами такого рода: множественная идентичность может использоваться ситуативно как статусный или экономический ресурс, или как символический ресурс утверждения отличий. Такой выбор мотивирован, как показывают эмпирические исследования, скорее не политическими, а “культурными и институциональными причинами” [Vechhofer, McCrone 2010]. Так, в борьбе вокруг шотландского референдума о независимости именно институциональные различия – более развитые институты социального государства в Шотландии по сравнению с другими частями страны, и стремление их поддерживать и развивать были в центре политического противостояния ее сторонников и противников. Институциональная специфика, в свою очередь, связана с укорененными в шотландском обществе традициями левой политической культуры.

Саму риторику *национализма* сторонники новой государственности используют нечасто. Ввиду устойчиво негативных смысловых ассоциаций, утвердившихся в политическом дискурсе, они предпочитают говорить именно о *независимости* и о *праве решать*, которым должны быть безоговорочно наделены граждане, проживающие на данной территории.

В регионах, где наблюдается рост поддержки выступающих с автономистских позиций партий, политическая мобилизация сторонников независимости происходит на основе принадлежности к территориальному сообществу. Декларируемое в публичном дискурсе стремление к инклюзивности придает такой мобилизации позитивное гражданское звучание [Семененко 2017: 357]. Вопрос о позитивной совместимости национально-гражданской и этнической идентичности [Дробижева 2008] и взаимовлиянии разных типов национализма [Brubaker 1992] – гражданского и этнического, если исходить из этого широко известного, хотя и нечетко уловимого в политической практике разделения, – нуждается в эмпирическом обосновании. Л.М. Дробижева на основе анализа большого массива социологических данных по самоидентификации россиян делает вывод о совмещении двух идентичностей в установках большинства граждан России, причем как “в позитивной части, когда они становятся ресурсом активной позиции в жизни и деятельности установках, так и в негативной, когда они подпитывают враждебность к окружающему миру и поиски врага” [Дробижева 2008: 227].

Этот вывод можно экстраполировать на широкое понимание национализма как установки, формирующей национальную идентичность граждан страны и, в то же время, стимулирующей поиски альтернативных национальных идентичностей на путях продвижения проектов регионализма и политического

⁴ Подавляющее большинство членов имеющих ту или иную степень автономии сообществ предпочитает *свою* идентичность. Так, согласно данным последней переписи населения Великобритании (2011 г.), в Шотландии носителей двойной национальной идентичности оказалось всего 18%, в то время как 62% населения выбрали только шотландскую и 8% – только британскую идентичность (предусматривалась возможность множественного ответа). См. Scotland’s Census. Shaping our Future. Ethnicity, Identity, Language and Religion. URL: <http://www.scotlandscensus.gov.uk/ethnicity-identity-language-and-religion> (accessed 07.08.2018).

сепаратизма. Причем поиски именно национальных (а не территориальных, региональных или локальных) оснований самоидентификации сообществ, позволяющих сломать сложившиеся иерархии институтов власти и управления.

Поиски путей позитивного совмещения гражданской и этнической идентичности в рамках территориального сообщества могут вестись в рамках особых институтов согласования интересов в дополнение к существующим институтам представительной демократии. Так, в автономной провинции Больцано – Южный Тироль гражданские организации в 2016–2017 гг. были вовлечены в обсуждение пересмотра статута 1972 г., регулирующего права языковых сообществ региона и формы их взаимодействия, в рамках созданного по инициативе парламента автономной провинции “Конвента об автономии”. Решений о пересмотре принято не было, но сам опыт получил положительную оценку экспертного сообщества как “результат нормального политического процесса”, а не как очередной механизм привычного для региона формата согласования интересов этнических групп⁵. Этнические границы в разделенном обществе, где политическое представительство основано на принципах *сообщественной демократии* (*consociational democracy*, или *power sharing* [Лейпхарт 1997]), обеспечивающей ротацию представителей языковых сообществ во власти в соответствии с соглашением политических элит региона и Центра⁶, постепенно размываются [Pallaver 2014: 376].

Длительное сосуществование языковых сообществ в рамках модели *power sharing* и совместное участие их представителей во власти уже привело, согласно экспертным оценкам, к *десекуритизации* конфликта: сегодня стороны не усматривают угрозы друг со стороны друга, и сам опыт сосуществования положительно оценивается большинством населения⁷. Вместе с тем языковая разобщенность сохраняется, что препятствует формированию инклюзивной идентичности. Прямая демократия остается своего рода довеском к договоренностям элитных групп Центра и региона, в то время как оппозиция выступает против таких договоренностей. Сказываются и попытки влияния на эти процессы извне. Самая свежая в этом ряду инициатива – предложение пришедшей к власти в Австрии в 2017 г. правоконсервативной коалиции предоставить немецкоговорящему и ладинскому населению приграничной провинции двойное гражданство “в духе продвижения идей европейской

⁵ Larin S., Roggla M. South Tyrol’s Autonomy Convention is not a breakthrough for participatory democracy – but it shows how power-sharing can transform conflicts. – *LSE European Politics and Policy (EUROPP) Blog*. 20.10.2016. URL: <http://blogs.lse.ac.uk/europpblog/2016/10/20/south-tyrol-autonomy-convention/> (accessed: 07.08.2018).

⁶ Неслучайно почти две трети (63,7%) избирателей Южного Тироля, в первую очередь жители немецкоязычных муниципалитетов, проголосовали в поддержку конституционных реформ на референдуме в конце 2016 г.; это самый высокий показатель в стране. Поддержку получила позиция правящей коалиции во главе с Народной партией Южного Тироля, которая в случае положительного исхода референдума рассчитывала на пересмотр соглашений об автономии в сторону дальнейшего расширения полномочий провинции. Ее призывы проголосовать за реформы и получить взаимообразную поддержку, как считают эксперты, возымели действие (см. Larin S., Roggla M. Why Italy’s German-speakers overwhelmingly voted ‘Yes’. – *LSE European Politics and Policy (EUROPP) Blog*. 07.12.2016. URL: <http://blogs.lse.ac.uk/europpblog/2016/12/07/why-italys-german-speakers-voted-yes/> (accessed: 07.08.2018)). В большинстве других регионов проект был отвергнут, в целом поправки не прошли, и глава Демократической партии и премьер-министр М. Ренци, связавший с итогами голосования свою политическую судьбу, подал в отставку.

⁷ Larin S., Roggla M. South Tyrol’s Autonomy Convention is not a breakthrough for participatory democracy – but it shows how power-sharing can transform conflicts. – *LSE European Politics and Policy (EUROPP) Blog*. 20.10.2016. URL: <http://blogs.lse.ac.uk/europpblog/2016/10/20/south-tyrol-autonomy-convention/> (accessed 07.08.2018).

интеграции”. Предложение вызвало остро негативную реакцию в итальянских политических кругах, в то время как в регионе эти меры символического характера были поддержаны не только сепаратистскими силами, но и правящей Народной партией Южного Тироля, для которой жизненно важно принимать в расчет мнения консервативных избирателей⁸. Автономистская риторика с легким европейским флером используется как дополнительный инструмент в торге с Центром. “Новый национализм” не пустил в этом регионе глубоких корней, уровень развития различных форм гражданской самоорганизации здесь заметно ниже, чем в передовых по этому показателю регионах Италии.

Демократический сепаратизм как политическое выражение “нового национализма” вряд ли стоит считать оксюмороном. Отличительная черта таких очагов конфликтности — их сопряженность с высоким уровнем гражданской активности и развития институтов гражданского общества. Так, в Испании на Каталонию приходится около четверти от общего числа инициатив гражданской самоорганизации (точных данных об их численности нет, но, согласно подсчетам, всего таких структур в Испании от 80 до 100 тыс.). Характерно, что в тройке лидеров по активности НКО находится также, помимо Мадрида, Страна Басков. Это связано с корреляцией высокого уровня экономического развития и развития демократической политической культуры [2016 Report on the State...: 61-62]. Во Фландрии активность гражданских инициатив обнаруживает устойчивую тенденцию к росту: за период 2004-2014 гг. численность структур гражданского общества увеличилась почти десятикратно [Noy, Holemans 2016: 80]. Большинство таких организаций — это социально ориентированные НКО; в этой среде находит отклик запрос на более независимую и активную социальную политику.

80 На политическом уровне носители идей национального самоопределения сегодня — это “не радикально настроенные организации меньшинства, а преимущественно демократические объединения, главным образом левоцентристского или правоцентристского направления, которые обычно используют парламентские формы борьбы и претендуют на выражение интересов широких слоев населения” [Холодковский 2018: 28]. Выступающие под националистическими знаменами партии и движения либо не играют в их продвижении ведущей роли, либо, как в случае, например, Народной партии Южного Тироля или Баскской националистической партии, претерпевают заметную эволюцию и встают на позиции диалога с Центром.

Есть, конечно, и исключения, например, ход борьбы вокруг референдума о независимости и последовавших выборов в Каталонии, но в действиях таких партийных сил популистская риторика *борьбы за независимость* перекрывает готовность к радикальным политическим действиям и затушевывает реальные политические цели. Поэтому и в научном дискурсе такие феномены описываются в неоднозначных понятиях, таких как пресловутый *регионализм*, *региональный национализм* или *неонационализм* [McCrone 1998: 129].

Именно территориальное сообщество становится носителем установок “нового национализма”, но эти установки отнюдь не являются панацеей от появления новых размежеваний внутри таких сообществ. Это особенно явственно проявилось во время подготовки каталонского референдума. Издержки прямой

⁸ Larin S.J., Engl A. Granting Austrian citizenship to German-speaking Italians would not be a victory for South Tyrol's separatists. — *LSE European Politics and Policy (EUROPP) Blog*. 10.01.2018. URL: <http://eprints.lse.ac.uk/88412/1/europpblog-2018-01-10-granting-austrian-citizenship-to-german.pdf/> (accessed: 07.08.2018).

демократии оказались в этом случае более чем очевидными. Неготовность элит Центра и региона к диалогу привела к углублению размежеваний между сторонниками и противниками независимости и росту конфликтного потенциала каталонского общества постольку, поскольку “не существует такого решения вопроса, которое удовлетворило бы подавляющее большинство каталонцев” [Хенкин 2018: 38]. Особенно остро востребован диалог по развитию формирующего гражданскую идентичность гуманитарного образования, но и в этой сфере не изжиты системные противоречия в трактовках общенациональной и этнорегиональной истории, в практиках преподавания языка. Согласно оценкам авторитетных экспертов, “проводимая государством политика идентичности осуществляется в условиях все более жесткой конкуренции и даже острой конфликтности с региональными элитами” [Прохоренко 2015а: 84].

Очаги “нового национализма” появляются и разрастаются в тех территориальных сообществах, которые отличаются заметно более высоким, чем в среднем по стране, уровнем экономического развития. Так, голосование на референдуме за расширение автономии в двух богатых регионах Италии — Ломбардии и Венето, областях, где суммарно создается около трети национального ВВП — дало предсказуемый положительный (правда, законодательно не обязывающий) результат: требования налоговой автономии и расширения управленческих полномочий региона получили практически плебисцитарную поддержку. В Венето при 57% явке избирателей в поддержку автономных полномочий проголосовали 98%, в Ломбардии при почти 40% явке — более 95%. Результаты созвучны итогам каталонского референдума, но вопрос об отделении от Италии в этих случаях не ставился.

Формирование инклюзивной идентичности на основе привлекательной модели развития территории расширяет круг приверженцев “нового национализма”. На такой основе произошла консолидация общества в Стране Басков. В ходе демократических реформ в Испании в постфранкистский период регион получил широкую финансовую и культурную самостоятельность и сумел переориентировать экономику на инновационное развитие.

Но очевидно, что автономистские проекты обостряют конфронтацию в борьбе за экономические ресурсы. Сталкиваются две повестки дня — та, что продвигают региональные элиты и выступающие от имени населения региона автономистские партии и движения, и та, которую отстаивает Центр во имя поддержания единства нации и государства⁹. Неслучайно *голосование ногами* — исход значительного числа компаний из Каталонии после непризнанного Центром референдума о независимости (к концу 2017 г. мятежный регион покинули штаб-квартиры около трех тысяч компаний, в том числе ряда крупных банков и фирм¹⁰) — было подкреплено декретом центрального правительства об облегченном режиме перевода бизнеса в другие регионы. Алармизм бизнеса ввиду опасений возможной дестабилизации политической ситуации стал в свое время важнейшей причиной поражения сторонников независимости Шотландии на референдуме 2014 г.

⁹ De Beer P. Catalonia vs Spain, a Clash of Two Nationalisms. — *OpenDemocracy*. 14.08.2014. URL: <https://www.opendemocracy.net/can-europe-make-it/patrice-de-beer/catalonia-vs-spain-clash-of-two-nationalisms> (accessed: 07.08.2018).

¹⁰ Adéu to Catalonia. Companies in the region vote with their feet against political uncertainty. 2017. — *The Economist*. 14.12. URL: <https://www.economist.com/business/2017/12/14/companies-in-the-region-vote-with-their-feet-against-political-uncertainty> (accessed 07.08.2018)

Очевидно, что далеко не все сепаратистские партии и движения вписываются в идейно-политический контекст “нового национализма”. Гренландия, где победу на парламентских выборах в апреле 2018 г. вновь одержала партия сторонников расширения автономии “Вперед” (*Siumut*), а призывающая к скорейшему отделению социалистическая партия стала второй, или Корсика, где у власти сегодня стоят умеренные автономистские силы – это регионы с высоким уровнем дотационной поддержки из Центра. Галисия – дотационный малонаселенный северный регион Испании с невысоким уровнем жизни (в 2016 г. доход на душу населения составлял здесь 23 675 долл. против 35 187 долл. в Стране Басков)¹¹, имеющий, как и Каталония, Страна Басков и пять других автономий, статус “исторической национальности” (*nacionalidad historica*). Галисийцы также претендуют на признание себя нацией. Достаточно высокие темпы роста ВВП, которые показывает регион в последние годы (3,4% в 2016 г.), могут в перспективе способствовать усилению здесь националистических настроений. Но и Гренландия, и Корсика, и Галисия – это примеры политико-управленческих противостояний, разрешаемых путем дотационной поддержки из национального бюджета и межэлитных договоренностей.

Для таких очагов “нового национализма”, как Страна Басков или Уэльс, принципиальное значение имеют гарантии языковой и культурной автономии, поддерживаемой в рамках соглашения с Центром. Находящиеся здесь у власти партии (Баскская националистическая партия и лейбористы, соответственно) продвигают модель социального государства, которое наряду с культурной автономией способствует поддержанию *общественного договора* о развитии. Но достигнутый социальный и политический консенсус нуждается в обновлении [Ruiz Vieyetez 2013: 81], причем на постоянной основе.

Южный Тироль – это иного рода случай, где модель *сообщественной демократии* оказалась в целом эффективной в среднесрочной перспективе. Она сдерживает мобилизацию населения на основе “нового национализма”, но затрудняет процесс преодоления разрывов между элитными и массовыми группами. В разделенном обществе принципиально важное значение для поддержания социального мира имеют “плоды доброго правления” (аллегория, так ярко проиллюстрированная Амброджо Лоренцетти в ратуше города-государства Сиены в 1340-е годы, не теряет актуальности) и уровень доверия к местной правящей элите; рост неудовлетворенности может нарушить сложившееся равновесие. То же можно сказать и о более хрупком соглашении об участии во власти представителей двух конфликтующих сторон, достигнутом в Северной Ирландии. Здесь *сообщественная демократия* держится преимущественно на межэлитных договоренностях между центральной властью и североирландской политической верхушкой в лице партий, представляющих две религиозные общины по-прежнему глубоко разделенного североирландского общества. И нынешнему хрупкому равновесию угрожает *Brexit*, провоцирующий новые разделения.

Национализм жив и обретает новое лицо в *демократическом сепаратизме*. Он прорастает в проектах развития территорий, в практиках прямой демократии, в разных формах гражданской самоорганизации, используется как

¹¹ *Autonomous Communities of Spain GDP at Market Prices*. URL: <https://countryeconomy.com/gdp/spain-autonomous-communities> (accessed 07.08.2018).

инструмент в политическом торге региональных элит за бюджетные и налоговые преференции, за большую экономическую самостоятельность и особые культурные права. Там, где появляются механизмы поддержания диалога, даже в конфронтационном формате (как вокруг референдума о независимости Шотландии), углубления размежеваний между сторонниками и противниками независимости удается избежать, и “борьба за идентичность” идет на путях продвижения общих социальных и экономических приоритетов. Обращение к инновационным социальным и экономическим практикам способствует формированию вокруг установок “нового национализма” *пространств развития*. Тем явственнее проявляются расхождения в видении своих перспектив развития с *территориями неразвития* в составе национального сообщества, живущими за счет перераспределительной политики Центра.

Феномен территориальных диспропорций можно рассматривать как один из моторов реконфигурации политических пространств современного мира, независимо от того, будут ли пересматриваться границы современных национальных государств (что маловероятно) или будут запущены новые механизмы федерализации, автономизации и деволюции. Скорее можно прогнозировать появление и сосуществование разных форм организации “политического пространства”, таких, например, как территориальные образования с разными уровнями автономии в составе одного государства, трансграничные регионы и объединения культурно близких территорий или сетевые агломерации городов или инновационные кластеры с особым правовым статусом, в которых *идентичность развития* — мотивация к *ответственному развитию* на основе возобновляемых нематериальных ресурсов — будет ключевым консолидирующим началом.

Бек У. 2012. Живя в мировом обществе риска и считаясь с ним. Космополитический поворот. — *Полис. Политические исследования*. № 5. С. 44-58. Доступ: <http://www.politstudies.ru/article/4615> (проверено 07.08.2018).

Геллнер Э. 1991. *Нации и национализм*. М.: Прогресс. 320 с.

Дробижева Л.М. 2008. Национально-гражданская и этническая идентичность: проблемы позитивной совместимости. — *Россия реформирующаяся. Ежегодник*. Отв. ред. М.К. Горшков. Вып. 7. М.: Институт социологии РАН. С. 214-228.

Идентичность: Личность, общество, политика. Энциклопедическое издание. Отв. ред. И.С. Семенов. 2017. М.: Весь Мир. 992 с.

Лейпхарт А. 1997. *Демократия в многосоставных обществах. Сравнительное исследование*. М.: Аспект Пресс. 287 с.

Малахов В.С. 2004. Иноходец. — *Отечественные записки*. № 3. Доступ: <http://www.strana-oz.ru/2004/3/inohodec> (проверено: 06.08.2018).

Малахов В.С. 2005. *Национализм как политическая идеология: учебное пособие*. М.: КДУ. 320 с.

Монитор этнополитической конфликтности. Б.г. М.: ИМЭМО РАН. Доступ: <https://www.imemo.ru/ethnopolitical-conflict-monitor/> (проверено: 06.08.2018).

Попов Ф.А. 2012. *География сепаратизма в современном мире*. М.: Новый хронограф. 672 с.

Прохоренко И.Л. 2015. Испанский опыт регулирования межнациональных отношений и инокультурной иммиграции. — *Мировая экономика и международные отношения*. Т. 59. № 12. С. 80-89.

Прохоренко И.Л. 2018. *Европейская интеграция и проблема сепаратизма в государствах-членах Европейского союза*. М.: ИМЭМО РАН. 93 с.

Семененко И. 2015. Нация, национализм, национальная идентичность: новые ракурсы научного дискурса. — *Мировая экономика и международные отношения*. Т. 59. № 11. С. 91-102.

Семененко И.С. 2017. Гражданская идентичность. — *Идентичность: Личность, общество, политика. Энциклопедическое издание*. Отв. ред. И.С. Семененко. М.: Весь Мир. С. 354-358.

Семененко И.С., Лапкин В.В., Пантин В.И. 2016. Типология этнополитической конфликтности: методологические вызовы “большой теории”. — *Полис. Политические исследования*. № 6. С. 69-94. <https://doi.org/10.17976/jpps/2016.06.06>

Символическая политика: Сборник научных трудов. Выпуск 5: Политика идентичности. 2017. М.: ИНИОН РАН. 356 с.

Смит Э. 2004. *Национализм и модернизм. Критический обзор современных теорий наций и национализма*. М.: Праксис. 464 с.

Тишков В.А. 1998. Забыть о нации (Постнационалистическое понимание национализма). — *Вопросы философии*. № 9. С. 3-26.

Хенкин С.М. 2018. Сепаратизм по-каталонски. — *Мировая экономика и международные отношения*. Т. 62. № 5. С. 29-40. <https://doi.org/10.20542/0131-2227-2018-62-5-29-40>

Холодковский К.Г. 2018. Особенности сепаратизма в Западной Европе XXI века. — *Южно-российский журнал социальных наук*. Т. 19. № 2. С. 27-37.

Anderson B. 1983. *Imagined Communities. Reflections on the Origins and Spread of Nationalism*. London: Verso. 224 p.

Antonsich M. 2018. Living in Diversity: Going Beyond the Local/National Divide. — *Political Geography*. Vol. 63. March. P. 1-9. <https://doi.org/10.1016/j.polgeo.2017.12.001>

Bechhofer F., McCrone D. 2010. Choosing National Identity. — *Sociological Research Online*. Vol. 15. No. 3. P. 1-13. <https://doi.org/10.5153/sro.2191>

Beck U. 2006. *The Cosmopolitan Vision*. Cambridge, UK/Malden, MA: Polity Press. 202 p.

Billig M. 1995. *Banal Nationalism*. London: Sage Publications Ltd. 208 p.

Brubaker R. 1992. *Citizenship and Nationhood in France and Germany*. Cambridge, Mass: Harvard University Press. 270 p.

De Cleen B. 2015. “Flemish Friends, Let us Separate!” The Discursive Struggle for Flemish Nationalist Civil Society in the Media. — *Javnost: The Public. Journal of the European Institute for Communication and Culture*. Vol. 22, No. 1. P. 37-54. <https://doi.org/10.1080/13183222.2015.1017270>

Edensor T. 2002. *National Identity, Popular Culture and Everyday Life*. Oxford: Berg Publishers. 224 p.

Everyday Nationhood. Theorising Culture, Identity and Belonging after Banal Nationalism. 2017. Ed. by Skey M., Antonsich M. Houndmills, Basingstoke, Hampshire: Palgrave Macmillan UK. 339 p. <https://doi.org/10.1057/978-1-137-57098-7>

Fagerholm A. 2016. Ethnic and Regionalist Parties in Western Europe: A Party Family? — *Studies in Ethnicity and Nationalism*. Vol. 16. No. 2. P. 304-339. <https://doi.org/10.1111/sena.12191>

Governing through Diversity. Migration Societies in Post-Multiculturalist Times. Ed. by T. Matejskova, M. Antonsich. 2015. London: Palgrave Macmillan UK. 213 p. <https://doi.org/10.1007/978-1-137-43825-6>

Greenfeld L. 2000. Democracy, Ethnic Diversity and Nationalism. — *Nationalism and Internationalism in the Post-Cold War Era*. Ed. by K. Goldmann, U. Hannerz, Ch. Westin. London, New York: Routledge. P. 24-35.

Lieven A. 2017. Don't Fear the New Nationalism. — *National Interest*. June 25. URL: <https://nationalinterest.org/feature/dont-fear-the-new-nationalism-21307> (accessed 07.08.2018)

McCrone D. 1998. *The Sociology of Nationalism: Tomorrow's Ancestors*. London: Routledge. 224 p. <https://doi.org/10.4324/9780203428856>

Nairn T. 1977. *The Break-up of Britain: Crisis and Neo-Nationalism*. London, New Left Books. 368 p.

Noy F., Holemans D. 2016. Burgercollectieven in kaart gebracht. — *Oikos* 78. No. 3. P. 69-81. URL: <https://www.oikos.be/tijdschrift/archief/jaargang-2016/oikos-78-3-2016/1053-78-10-noy-en-holeman-burgercollectieven-in-kaart-gebracht/file> (accessed 07.08.2018)

Pallaver G. 2014. South Tyrol's Changing Political System: From Dissociative on the Road to Associative Conflict Resolution. — *Nationalities Papers. The Journal of Nationalism and Ethnicity*. Vol. 42. No. 3. P. 376-398. <https://doi.org/10.1080/00905992.2013.856393>

Renan E. 1991. Qu'est qu'une nation? (Conférence prononcée le 11 mars 1882 à la Sorbonne). — *Qu'est-ce qu'une nation? Littérature et identité nationale de 1871 à 1914. Texte intégral de Ernest Renan*. Sous la direction de Ph. Forest. Paris: Pierre Bordas et fils, Éditeur. P. 12-48.

Ruiz Vieyetez E. 2013. A New Political Status for the Basque Country? — *Journal on Ethnopolitics and Minority Issues in Europe*. Vol. 12. No. 2. P. 79-105. URL: <http://www.ecmi.de/fileadmin/downloads/publications/JEMIE/2013/Ruiz.pdf> (accessed 07.08.2018).

Key M. 2011. *National Belonging and Everyday Life: The Significance of Nationhood in an Uncertain World*. Houndmills, Basingstoke, Hampshire: Palgrave Macmillan UK. 200 p. <https://doi.org/10.1057/9780230353893>

The Nation: Real or Imagined? The Warwick Debates on Nationalism. 1996. — *Nations and Nationalism*. Vol. 2. No. 3. P. 358-388. <https://doi.org/10.1111/j.1469-8219.1996.tb00001.x>

The SAGE Handbook of Nations and Nationalism. 2006. Ed. by Delanty G., Kumar K. London: SAGE Publications Ltd. 577 p.

2016 Report on the State of Civil Society in the EU and Russia. 2017. Berlin: EU-Russia Civil Society Forum. URL: http://www.zdes.spbu.ru/assets/files/Report_on_the_state_of_civil_society_2016.pdf (accessed: 07.08.2018)

DOI: [10.17976/jpps/2018.05.07](https://doi.org/10.17976/jpps/2018.05.07)

NATIONALISM, SEPARATISM, AND DEMOCRACY. NEW PATTERNS OF NATIONAL IDENTITY IN “OLD” EUROPE

I.S. Semenenko¹

¹*Primakov National Research Institute of World Economy and International Relations (IMEMO), Russian Academy of Sciences. Moscow, Russia*

SEMENENKO Irina Stanislavovna, Dr. Sci. (Pol. Sci.), Corresponding member of the Russian Academy of Sciences, Deputy Director for Scientific Work, Head of Centre for Comparative Socio-Economic and Political Studies, Primakov National Research Institute of World Economy and International Relations (IMEMO), Russian Academy of Sciences. Email: semenenko@imemo.ru

Semenenko I.S. Nationalism, Separatism, and Democracy. New Patterns of National Identity in “Old” Europe. — *Polis. Political Studies*. 2018. No. 5. P. 70-87. (In Russ.) <https://doi.org/10.17976/jpps/2018.05.07>

Received: 20.05.2018. Accepted: 18.06.2018

Abstract. The author proposes a new approach to the interpretation of political phenomena traditionally described in both academic and political discourse as “nationalism” and “separatism”. “Nationalism” as a concept can provide a research framework for evaluating the factors that provoke ethnic tensions in

democracies and stimulate their transformation into open conflicts between the central state and regional authorities in regions possessing a certain level of cultural – economic – political autonomy, but it needs to be updated to take into account the “new nationalism” phenomenon. “New nationalism” has recently taken root in the nation states of “old” Europe in regions with a high level of civic activism and economic and welfare development. Differing nationalist agendas comprise a situational combination of cultural, social and economic factors, which are channeled into political protest. The contestation over identity issues in territorial communities within the nation state are used by political elites to promote preferential tax policies, budget autonomy and an independent social and cultural policy, especially in the use of language and in education. At the core of the political agenda is the “right to decide” and to choose the priorities of community development which is promoted by democratic political agents of diverse political affiliation, predominantly centrist, in coalition with former radical nationalists who have abandoned radical political activities. An overview of regionalist contention in Europe indicates possible future transformations in the organization of political space in democracies where identity issues in hand with consistent development strategies will be the key consolidating factors for political communities involved in the integration processes.

Keywords: nationalism; national identity; political identity; identity politics; civil society; democracy; separatism; regionalism; autonomy; European integration project; European Union; political space; new nationalism.

References

- Anderson B. *Imagined Communities. Reflections on the Origins and Spread of Nationalism*. London: Verso. 1983. 224 p.
- Antonsich M. Living in diversity: Going beyond the local/national divide. — *Political Geography*. Vol. 63. March 2018. P. 1-9. <https://doi.org/10.1016/j.polgeo.2017.12.001>
- Bechhofer F., McCrone D. Choosing National Identity. — *Sociological Research Online*. 2010. Vol. 15. No. 3. P. 1-13. <https://doi.org/10.5153/sro.2191>
- Beck U. *The Cosmopolitan Vision*. Cambridge, UK/Malden, MA: Polity Press. 2006. 202 p.
- Beck U. Living in and Coping with World Risk Society: the Cosmopolitan Turn. — *Polis. Political Studies*. 2012. No. 5. P. 44-58. (In Russ.) URL: <http://www.politstudies.ru/article/4615> (accessed 07.08.2018).
- Billig M. *Banal Nationalism*. London: Sage Publications Ltd. 1995. 208 p.
- Brubaker R. *Citizenship and Nationhood in France and Germany*. Cambridge, Mass: Harvard University Press. 1992. 270 p.
- De Cleen B. “Flemish Friends, Let us Separate!” The Discursive Struggle for Flemish Nationalist Civil Society in the Media. — *Javnost: The Public. Journal of the European Institute for Communication and Culture*. 2015. Vol. 22. No. 1. P. 37–54. <https://doi.org/10.1080/13183222.2015.1017270>
- Drobizheva L.M. National Identity as a Means of Reducing Ethnic Negativism. — *Mir Rossii*. 2017. Vol. 26. No. 1. P. 7–31. (In Russ.)
- Edensor T. *National Identity, Popular Culture and Everyday Life*. Oxford: Berg Publishers. 2002. 224 p.
- Ethnic Conflict Monitor*. Moscow: IMEMO RAS. (In Russ.) URL: <https://www.imemo.ru/ethnopolitical-conflict-monitor/> (accessed 06.08.2018).
- Everyday Nationhood. Theorising Culture, Identity and Belonging after Banal Nationalism*. Ed. by Skey M., Antonsich M. Houndmills, Basingstoke, Hampshire: Palgrave Macmillan UK. 2017. 339 p. <https://doi.org/10.1057/978-1-137-57098-7>
- Fagerholm A. Ethnic and Regionalist Parties in Western Europe: A Party Family? — *Studies in Ethnicity and Nationalism*. 2016. Vol. 16. No. 2. P. 304-339. <https://doi.org/10.1111/sena.12191>
- Gellner E. Nations and Nationalism. (Russ. ed.: Gellner E. *Natsii i natsionalizm*. Moscow: Progress Publishers. 1991. 320 p.)
- Governing through Diversity. Migration Societies in Post-Multiculturalist Times*. Ed. by T. Matejskova, M. Antonsich. London: Palgrave Macmillan UK. 2015. 213 p. <https://doi.org/10.1007/978-1-137-43825-6>
- Greenfeld L. Democracy, Ethnic Diversity and Nationalism. — *Nationalism and Internationalism in the Post-Cold War Era*. Ed. by K. Goldmann, U. Hannerz, Ch. Westin. London, New York: Routledge. 2000. P. 24-35.
- Identichnost': Lichnost', obshchestvo, politika. Entsiklopedicheskoe izdanie* [Identity: The Individual, Society, and Politics. An Encyclopedia]. Ed. by I. Semenenko. Moscow: Ves MIR Publishers. 2017. 992 p. (In Russ.)
- Khenkin S. Separatism, Catalanian Way. — *Mirovaya ekonomika i mezhdunarodnye otnosheniya*. 2018. No. 5. Vol. 62. P. 29-40. (In Russ.) <https://doi.org/10.20542/0131-2227-2018-62-5-29-40>

Kholodkovsky K.G. Separatism in Western Europe: A XXI Century Perspective. — *South-Russian Journal of Social Sciences*. 2018. Vol. 19. No. 2. P. 27–37. (In Russ.)

Lieven A. Don't Fear the New Nationalism. — *National Interest*. 2017. June 25. URL: <https://nationalinterest.org/feature/dont-fear-the-new-nationalism-21307> (accessed 07.08.2018)

Lijphart A. Democracy in Plural Societies. A Comparative Exploration. (Russ. ed.: Lijphart A. *Demokratiya v mnogostavnykh obshchestvakh. Sravnitel'noe issledovanie*. Moscow: Aspect Press. 1997. 287 p.)

Malakhov V.S. The Pacer. — *Otechestvennye zapiski*. 2004. No. 3. (In Russ.) URL: <http://www.strana-oz.com/2004/3/inohodec> (accessed 06.06.2018).

Malakhov V.S. *Natsionalizm kak politicheskaya ideologiya* [Nationalism as a Political Ideology]. Moscow: KDU Publishers. 2005. 320 p. (In Russ.)

McCrone D. *The Sociology of Nationalism: Tomorrow's Ancestors*. London: Routledge. 1998. 224 p. <https://doi.org/10.4324/9780203428856>

Nairn T. *The Break-up of Britain: Crisis and Neo-Nationalism*. London, New Left Books. 1977. 368 p.

Noy F., Holemans D. Burgercollectieven in kaart gebracht. — *Oikos* 78. 2016. No. 3. P. 69–81. URL: <https://www.oikos.be/tijdschrift/archief/jaargang-2016/oikos-78-3-2016/1053-78-10-noy-en-holeman-burgercollectieven-in-kaart-gebracht/file> (accessed 07.08.2018).

Pallaver G. South Tyrol's Changing Political System: from Dissociative on the Road to Associative Conflict Resolution. — *Nationalities Papers. The Journal of Nationalism and Ethnicity*. 2014. Vol. 42. No. 3. P. 376–398. <https://doi.org/10.1080/00905992.2013.856393>

Popov F.A. *Geografiya setsessionizma v sovremennom mire* [Geography of Secessionism in the Modern World]. Moscow: Novyi Khronograf Publishers. 2012. 672 p. (In Russ.)

Prokhorenko I.L. Spanish Experience of Interethnic Relations and Foreign Migration Regulation. — *Mirovaya ekonomika i mezhdunarodnye otnosheniya*. 2015. No. 12. Vol. 59. P. 80–89. (In Russ.)

Prokhorenko I.L. *Evropeiskaya integratsiya i problema separatizma v gosudarstvakh-chlenakh Evropeiskogo soyuza* [European Integration and the Problem of Separatism in the Member States of the European Union]. Moscow: IMEMO RAS. 2018. 93 p. (In Russ.)

Renan E. Qu'est qu'une nation? (Conférence prononcée le 11 mars 1882 à la Sorbonne). — *Qu'est-ce qu'une nation? Littérature et identité nationale de 1871 à 1914. Texte intégral de Ernest Renan*. Sous la direction de Ph. Forest. Paris: Pierre Bordas et fils, Éditeur. 1991. P. 12–48.

Ruiz Vieyetez E. A New Political Status for the Basque Country? — *Journal on Ethnopolitics and Minority Issues in Europe*. 2013. Vol. 12. No. 2. P. 79–105. URL: <http://www.ecmi.de/fileadmin/downloads/publications/JEMIE/2013/Ruiz.pdf> (accessed 07.08.2018).

Semenenko I.S. Nations, Nationalism, National Identity: New Dimensions in Academic Discourse. — *Mirovaya ekonomika i mezhdunarodnye otnosheniya*. 2015. No. 11. Vol. 59. P. 91–102. (In Russ.)

Semenenko I.S. *Grazhdanskaya identichnost'* [Civic Identity]. — *Identichnost': Lichnost', obshchestvo, politika. Entsiklopedicheskoe izdanie* [Identity: The Individual, Society, and Politics. An Encyclopedia]. Ed. by I. Semenenko. Moscow: Ves MIR Publishers. 2017. P. 354–358. (In Russ.)

Semenenko I.S., Lapkin V.V., Pantin V.I. Classifying Ethnic Conflicts: Challenges for Political Theory and Methodology. — *Polis. Political Studies*. 2016. No. 6. P. 69–94. (In Russ.) <https://doi.org/10.17976/jpps/2016.06.06>

Simvolicheskaya politika: Sbornik nauchnykh trudov. Vypusk 5: Politika identichnosti [Symbolic Policy: Collection of Scientific Papers. Issue 5: Identity Policy]. 2017. Moscow: INION RAS. 356 p. (In Russ.)

Smith A.D. Nationalism and Modernism. A Critical Survey of Recent Theories of Nations and Nationalism. (Russ. ed.: Smith A. *Natsionalizm i modernizm. Kriticheskii obzor sovremennykh teorii natsii i natsionalizma*. Moscow: Praxis. 2004. 464 p.)

The Nation: Real or Imagined? The Warwick Debates on Nationalism. — *Nations and Nationalism*. 1996. Vol. 2. No. 3. P. 358–388. <https://doi.org/10.1111/j.1469-8219.1996.tb00001.x>

The SAGE Handbook of Nations and Nationalism. Ed. by Delanty G., Kumar K. London: SAGE Publications Ltd. 2006. 577 p.

Tishkov V.A. Forget About the Nation (Post Nationalistic Understanding of Nationalism). — *Voprosy filosofii*. 1998. No. 9. P. 3–26. (In Russ.)

2016 Report on the State of Civil Society in the EU and Russia. 2017. Berlin: EU-Russia Civil Society Forum. URL: http://www.zdes.spbu.ru/assets/files/Report_on_the_state_of_civil_society_2016.pdf (accessed 07.08.2018).